

ХОЗЯЙКА МЕДНОЙ ГОРЫ

Алла Осипенко больше любит тратить деньги, чем зарабатывать

Независимая жж. — 1995 — 14 дек. — с. 7.

Денис Чукчеев,
Александр Щуплов

Рефлексия

ЕСЛИ БЫ ВАМ предложили выставить оценку нынешнему российскому балету по пятибалльной системе... Я бы сегодня не ставила никакой оценки. Не только в России, но и во всем мире балет находится в состоянии кризиса. Например. Большой театр — мы еще не знаем, что будет при новом руководстве. В том же положении находится и Мариинский театр. Там тоже сейчас идет смена руководства. Поэтому оценку выставлять не надо. Надо выждать какое-то время... У меня были разные периоды в балете. Был «период Улановой», «период Дудинской», «период Плисецкой»... Я очень люблю балерину и своего большого друга Наташу Макарову. Пожалуй, ее можно назвать моим кумиром.

С кем из молодых вы связываете ваши надежды на становление русского балета?

Сейчас такой фамилии я бы вам не могла назвать: все-таки очень сильно оторвана от балетной жизни в России. Но очень хочу посмотреть Ульяну Лопаткину. Говорят, в Петербурге появилась удивительная индивидуальность. Пока я знакома с ней по фотографиям и по статьям. Судя по фотографиям, это что-то необыкновенное...

А коллективы?

Последний коллектив, в котором я работала, — Театр современного балета. Несмотря ни на какие сложности, которые у меня были с его руководителем Борисом Эйфманом, я и сегодня считаю его самым интересным хореографом в России.

Ваша любимая партия в балете?

Долгое время у меня была единственная любимая партия — Хозяйка Медной горы, которую поставил специально для меня Григорьевич. Впрочем, не только для меня. Потом у меня появился спектакль «Антоний и Клеопатра», который делал для меня Игорь Чернышев. И уже в конце балетной карьеры я танцевала у Бориса Эйфмана в «Идиоте» Достоевского — на музыку Шестой симфонии Чайковского. Пожалуй, эти три спектакля, которые прошли через всю мою жизнь, — самые любимые.

Можно ли говорить, что какая-то из этих ролей повлияла на всю вашу жизнь?

Конечно. Хозяйка Медной горы. «Каменный цветок» изменил представление обо мне: по моим инстинктам — тем, которые мне дал Бог, все думали, что я буду типичной классической танцовщицей, и направляли меня именно по этой стезе. «Каменный цветок» все перевернул в моей жизни. Поэтому дальше и появились «Антоний и Клеопатра», «Идиот»...

Уход из Кировского театра был для вас трагедией?

Нет... Дело в том, что, после того как Нуриев остался в Париже, моя жизнь в театре резко изменилась. Меня перестали брать в поездки, я стала невъездной. Делалось все, чтобы меня забыли и не знали. Танцевать мне давали очень мало, чтобы я, не дай Бог, не подумала, что чем-то отличаюсь от других. Так что к своему уходу я была совершенно готова. Мы все уходили по одной и той же причине. Нуриев остался там, потому что ему было неинтересно работать в театре. Макарова осталась, потому что в течение 12 лет она танцевала только «Жизель» и «Лебединое» — от этого можно сойти с ума. Я — оттого, что у меня тоже не было никакого репертуара. Внутри театра никто не думал о том, что надо ставить новые спектакли, использовать мои данные. Поэтому все мы уходили просто в разные стороны: они ушли на Запад, я осталась здесь.

Страшно было остаться одной?

Приходилось работать просто в Ленконцерте — ездить по стране,

В отличие от Рудольфа Нуриева, Натальи Макаровой, Михаила Барышникова, Алла Осипенко (близкий друг первых двух) вошла в энциклопедию «Балет», вышедшую в 1981 году. То ли помогло то, что главным редактором энциклопедии был Юрий Григорьевич (у которого балерина впервые станцевала в «Легенде о любви» и «Каменном цветке»), то ли недосмотрели бдительные цензоры, но покинувшая сцену тогда еще Кировского театра балерина оказалась в компании классиков и «благонадежных». Недавно она, ныне ведущий педагог балетной школы Хартфордского балета (США), впервые выступила на московской сцене и станцевала вместе со своим итальянским партнером Якопо Наннини танцпесню «Вера... Надежда... Любовь... Алла».

танцевать в клубах. Потом Чернышев сделал одноактный спектакль «Антоний и Клеопатра». Стал ездить с ним на гастроли по Союзу. Это был период, когда можно было закончить свою карьеру. Все казалось безвыходным. Но потом, слава Богу, появился Борис Эйфман, который пригласил меня в свой коллектив.

От прошлого обратимся к будущему. Что у вас в планах?

Преподавательская работа в США. Но я постоянно приезжаю в

не встречался. Мне он интересен и как творец, и сам по себе. Хотя я достаточно открытый человек, а он удивительно закрытый. Может быть, этим он меня очень привлекал.

Есть ли, на ваш взгляд, личности в западном балете?

Сейчас там личности как бы пропали. Хотя в Италии есть Александра Ферри, еще танцует Карла Франчи (но у нее тот возраст, когда трудно что-либо сказать). Есть Сильви Гийем, Мари-Клод Пьетро Га-

Балерина и букет.

Россию. Я не могу без России. Это просто ирония судьбы, что я не в России. Но здесь у меня пенсия 250 тысяч. Могу я на нее существовать? Там же — контракты и обеспеченность работой. Я живу там. Но без России не могу!

Вы снимались в «Скорбном бесчувствии» Сокурова, «Фуэте» Васильева, «Голосе» Авербаха...

Работа с Сокуровым и Авербахом — один из счастливых периодов моей жизни. Это замечательные режиссеры. С Сокуровым делала два фильма. Это незаурядная личность, общение с ним мне многое дало. И потом были разговоры с Сашей о сотрудничестве... Но с моим отъездом все отпало. Сейчас главное для меня — преподавание.

Отличаются ли чем-нибудь американские студенты от наших?

Это абсолютно другая система обучения. В наших балетных школах принято проходить все: мы учимся считать, читать и танцевать. На Западе этого нет. Там они все учатся в разных колледжах и лицеях, а по вечерам приходят заниматься балетом. И это гораздо тяжелее. Бедные дети после целого учебного дня все вечера проводят в занятиях балетом... В Хартфордской балетной школе, где я сейчас преподаю, обучаются 500 человек. Работают они по системе Вагановой и всячески стараются сделать школу похожей на нашу.

Кто для вас в искусстве абсолютный идеал?

Таким идеалом для меня является Александр Сокуров. Выше этой личности мне в жизни никто

ла. Это, в общем, очень большие индивидуальности. Русских танцоров на этом уровне я назвать, пожалуй, не смогу.

А какой кутюрье вам больше всего нравится?

Не знаю. Что красиво, то и нравится. Все эти Армани, Версачи... Но, пожалуй, более всего — французы. Я — как Катрин Денев: «Шанель номер пять», «Нина Риччи»... Один раз в своей жизни я купила платье фирмы «Нина Риччи». Много лет носила, а потом сделала абажур...

Что вы любите больше — зарабатывать деньги или их тратить?

Ха!! Конечно, тратить. Когда они у меня есть. Бог мне дал очень много интересного в жизни, но почему-то всегда обделял деньгами. У меня никогда не было много денег, а сейчас — совсем мало. Так что, конечно, люблю тратить! Мы так воспитаны: за искусство денег не платили. Когда я пришла к Якобсону с высшей ставки в 400 рублей, то целый год просидела у него (был 1971-й!) на 70 рублях. В конце концов начала продавать вещи, потому что стало не на что жить. Так вот, я пришла к нему и говорю: «Может, вы мне как-нибудь сделаете — а мне уже, слава Богу, было 40 лет — побольше денег?» Он посмотрел на меня и сказал: «Стяжательница! Ты зачем ко мне пришла?» И я замолчала и еще целый год просидела у него на 70 рублей, потому что бросила Кировский театр и пошла к нему не за деньгами, а за творчеством. Он был прав! Об этом нельзя жалеть.